

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 11

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2010

МОСКВА

*Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук*

“НАУКА”

СОДЕРЖАНИЕ

- Обсуждение книги “Энциклопедия эпистемологии и философии науки” (материалы “круглого стола”). Участвовали: В.А. Лекторский, Б.И. Пружинин, И.Т. Касавин, В.Г. Кузнецов, С.А. Лебедев, В.Ф. Петренко, В.В. Пирожков, З.А. Сокулер, В.П. Филатов 3

Философия и общество

- И.И. Мюрберг** – Карл Поппер, свобода и дискурс “политического” 25

Философия и наука

- В.С. Репин** – Эволюция в свете системной биологии 37
Проблемы цивилизации и варварства в свете междисциплинарного диалога философии и биологии. В диалоге участвуют: Н.В. Мотрошилова и В.С. Репин ... 46
В.Ф. Петренко – К проблеме психологии сознания 57
В.П. Зинченко – Опыт думания о думании. К восьмидесятилетию В.В. Давыдова (1930–1998) 75
В.М. Розин – Психология на перепутье (виртуальный диалог психолога с методологом) 92
В.И. Пржиленский – Идея реальности и эпистемологический конструктивизм 105

Из истории отечественной философской мысли

- Л.А. Гоготишвили** – Теория П. Флоренского о корреляции изобразительных и языковых приемов (обратная перспектива и “круглый” дискурс) 114

История философии

В.Е. Семенов – Нисхождение в совершенный мир (трансцендентальная редукция в метафизике Платона, Августина, Декарта, Канта)	126
Д. Никулин – Комедия философии – II	138
Т.Г. Скороходова – Истоки реформаторской мысли Раммохана Рая	150
Раммохан Рай – Дар верующим в Единого Бога (<i>Тухфат-ул-Мувахиддин</i>)	159

Научная жизнь

Е.А. Счастливецва – Эдмунд Гуссерль. К 150-летию со дня рождения философа (обзор научной конференции)	169
--	-----

Критика и библиография

Э.Ф. Звездкина – А.А. Гусейнов. Великие пророки и мыслители. Нравственные учения от Моисея до наших дней	173
А.И. Уваров – А.И. Ракитов, Д.А. Бондяев, И.Б. Романов, С.В. Егеров, А.Ю. Щербаков. Системный анализ и аналитические исследования: Руководство для профессиональных аналитиков	178
В.К. Кантор – Р. Кронер, Н. Бубнов, Г. Мелис, С. Гессен, Ф. Степун. О мессии. Эссе по философии культуры	181
А.П. Люсый – В.П. Шестаков. Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена	185
И.Л. Андреев, И.Ф. Шабанова – В.А. Матюхин, А.Н. Разумов. Экологическая физиология человека и восстановительная медицина	187
Наши авторы	191

**Председатель Международного редакционного совета –
Лекторский Владислав Александрович**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Швейцария), **Ань Цинянь** (Китай), **А.А. Гусейнов** (Россия),
В.П. Зинченко (Россия), **А.Ф. Зотов** (Россия), **А.Н. Нысанбаев** (Казахстан),
А.П. Огурцов (Россия), **Т.И. Ойзерман** (Россия), **М.В. Попович** (Украина),
В.Н. Садовский (Россия), **В.С. Степин** (Россия), **Ю. Хабермас** (Германия),
Р. Харре (Великобритания)

Главный редактор – Пружинин Борис Исаевич

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**П.П. Гайденок, А.А. Гусейнов, В.К. Кантор, В.А. Лекторский, В.Л. Макаров,
В.В. Миронов, Н.С. Мотрошилова, И.С. Разумовский** (ответственный секретарь),
**А.М. Руткевич, Ю.Н. Солонин, В.С. Степин,
Н.Н. Трубникова** (заместитель главного редактора), **Т.В. Черниговская**

Сайт журнала – <http://www.vphil.ru>

Издание этой небольшой книжки можно смело назвать событием в жизни историков русской философии, занимающихся исследованием идей мыслителей XX в. Первая книга, которую затеял и выпустил на немецком в Германии еще юный студент Гейдельбергского университета Федор Степун со своими друзьями, будущими коллегами и соиздателями знаменитого “Логоса” (1910–1914), который издатели обозначили как “международное издание по вопросам культуры”, была недоступна широкому кругу современных исследователей из-за своего малого тиража и, смешно сказать, из-за того, что не была введена в научный оборот. Вернуть ее – бесспорная заслуга А.А. Ермичева. Странная книга! Почти религиозное название (“О мессии”) сопровождается спокойным ученым подзаголовком “Эссе по философии культуры”. Но спокойствие обманчивое. Эта книга не менее тревожна и не менее провокативна, чем знаменитые русские “Вехи”, вышедшая в 1909 г., только не имевшая того резонанса, ибо вышла из слишком университетского круга, от которого не ждали ничего, кроме глубокомыслия. Да и сегодня ее даже Ермичев в своем послесловии рассматривает лишь как первый шаг к “Логосу”: “Что касается сборника “О мессии”, то он хотя и интересен как документ русско-немецких дружеских связей, но с точки зрения сугубо историко-философской он значим только как предтеча “Логоса”” (с. 107). Помимо пяти статей самого сборника, книга составлена тщательно и блестяще с точки зрения историко-философской. Здесь отрывок из мемуаров Степуна о создании “Логоса”, отрывок из статьи Струве о Гершензоне тоже в связи с “Логосом”, практически неизвестная статья Д.В. Философова “О Фрейбурге и журнале “Логос””, а также пореволюционная статья самого Степуна “Два Гейдельберга”, рассказ о послевоенном бытии города, где был создан сборник и задуман “Логос”. В заключение в книге дано Послесловие составителя А.А. Ермичева и подробнейшие, “вкусно” написанные комментарии.

Как видим уже из содержания книжки, маленькая брошюра “О мессии” воспринимается лишь как первый шаг к “Логосу”. Так построен рецензируемый сборник. Действительно, роль “Логоса” в истории русской философии весьма значительна. Но все же не случайно совместное содружество будущих издателей знаменитого

журнала началось с маленькой книжки, по-своему замечательной и по малой известности и незаметности практически непрочитанной – ни русскими, ни немецкими исследователями. Между тем в ней были проговорены и угаданы, пусть и не поняты, чрезвычайно существенные для XX в. явления. Ермичев замечает, что характерной чертой сборника является его антинищенство. И вместе с тем сама идея поиска мессии вместо Христа очень отдавала нищевскими ходами мысли. Конечно, выбранные ими в мессии Конт, Фихте, Герцен и Соловьев (персонажи их статей) не походили на Заратустру, но смотря как их прочитать. Поэтому, на мой взгляд, книга явилась своеобразным изводом нищенских проблем. Стоит учесть и то, что студенты все же жили в контексте проблем, поставленных Ницше, стараясь, как им казалось, преодолеть его идеи и найти свои ходы мысли.

Иными словами, задачи сборника были вполне оригинальны. Авторы угадали многое из того, что не было замечено их современниками. Однако остающееся к нему отношение как к студенческой пробе пера мешает это увидеть. Авторы – немцы, любившие Россию, и русские, любившие Германию, объединились под одной обложкой и попытались каждый в своей культуре увидеть возможный приход мессии, понятого не христиански, а как некое явление философской и идеологической мысли, которое сумеет тот или иной народ превратить в мессианский со своей миссией к другим народам. Как мы знаем, именно Германия и Россия нашли своих мессий (или точнее лжемессий). Ермичев пишет: “Авторами сборника были два немца – Рихард Кронер, Георг Мелис и трое русских – Николай Бубнов, Сергей Гессен и Федор Степун – еще никому не известные молодые люди, лишь потом прославленные своими трудами мыслители и философы. В этом сборнике эссе они попытались подвести итоги философско-мировоззренческим исканиям XIX в., когда идея поступательного движения истории, как это не раз уже случалось прежде, снова была поставлена под сомнение и снова нужно было обрести мессию, который выведет человечество на прямой путь” (с. 102–103).

Ермичев как будто точно передает замысел авторов, но все же не замечает, что по сути своей этот замысел чрезвычайно провокативен, ибо Мессия один, отличен от всех других. В Евангелии сказано, что будут являться *подобные* в трудные периоды, но они будут лжемессиями: “Тогда, если кто скажет вам: вот, здесь Христос,

* Рецензия подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 10-03-00064а)

или там, – не верьте. Ибо восстанут лжехристы и лжепророки, и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных” (*Матф.* 24. 23–24). Назвав свою эпоху “александрийством”¹, проводя тем самым рискованную параллель с временем появления Септуагинты и подготовки прихода Христа, молодые студенты чувствовали себя едва ли не провозвестниками нового Пришествия. Вот их общая точка зрения (в предисловии): “Мессинское ожидание, которое никогда не угасало в памяти человечества, предстало нам на новой стадии цветения. Наши взоры невольно обратились к недавнему прошлому, чтобы там найти следы этого внутреннего движения” (с. 7). Далее в предисловии было сказано: “Каждый из нас избрал <...> того, кто в близкой и родственной ему форме представляет сверхличное содержание мессинской идеи. <...> Родственно и вместе с тем бесконечно различно выступает мессинская мысль у *Фихте* и *Герцена*. Как близки и одновременно далеки формы этой мысли у *Соловьева* и *Конта!*” (с. 8). Лишь Кронер дал общую вводную статью “Листок из дневника нашего времени”. Само заглавие первого текста определяет устремленность на проникновение в современность. Удалось ли им это? Заметим, что сборник уже внушил им уверенность в своих силах и отважил их на новое предприятие.

Д.В. Философов в своем очерке, где он рассказывал, как молодые юнцы пригласили на общую встречу знаменитых русских Мережковско-го² и Гиппиус, чтобы убедить в своих серьезных

¹ Надо сказать, что тема александрийства сохранилась и в первом номере “Логоса”. В совместной редакционной статье (авторы – Ф. Степун и С. Гессен) был дан почти буквальная повтор предисловия из сборника “О мессии”: “Мы переживаем теперь, по-видимому, эпоху не только общекультурного, но, в частности, и *фило-софского распада*. И притом не только в России, но и на Западе. Жалобы на эпигонский характер современной философии, александрийское настроение безысходности и тоски по новому, сильному, жажда порыва и системы сменяются скептицизмом, разочарованием в философии как в абсолютном рациональном знании, сомнением в возможности синтеза и системы” (От редакции // *Гессен С.И.* Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 712–713). Но теперь речь они вели не о мессии, а о спасении человеческой мысли в рациональной философии неокан-тианства.

² О степени популярности Мережковского в Германии говорят слова Томаса Манна. В 1921 г. он писал: “Я услышал <...>, что Мережковский, бежавший из Советской России, <...> меня по-сетит. Дмитрий Мережковский! Тот, чья кни-

литературных связях немецких издателей для получения денег на “Логос”, добавляет: “Журнал затеян небольшой группой ближайших учеников Риккерта, в которой находятся двое молодых русских. Группа эта уже успела издать на немецком языке небольшой сборник статей под общим заглавием ”Мессия”³. Авторы мечтают о появлении новой философской системы, которая смогла бы дать синтез нашей эклектической эпохи, мечтают о пришествии философского мессии, которому они приуготавливают путь. <...> Пока предложено выпускать два издания журнала: одно, на русском языке, – в Москве, другое, на немецком, – во Фрейбурге. Задачи широкие, молодые, очень русские”⁴.

Но вот что не было в “Логосе”, но было в сборнике – поиск *национального мессии*: “Общим для всех рассматриваемых нами мыслителей является *идея мессинского народа* и глубокое внутреннее убеждение, что особое назначение и миссия каждой нации может исполниться лишь посредством самоотверженного труда и свершений отдельных личностей” (с.9). Они, естественно, ориентировались на “Богорождающий народ”, по определению Вл. Соловьева. Н. Бубнов писал в своей статье о Фихте: “В темных областях бессознательного возникает неясная тоска. Родившись в немногих отдельных людях, она понемногу распространяется и захватывает все большие массы. Тоска становится сильнее и перерастает в нетерпеливое ожидание – так возникает мессинская идея. Впервые она предстает перед нами в еврействе, родившись из освободительного стремления народа, пережившего тяжкие испытания и жестокие притеснения. Он счел себя богоизбранным, надеясь на восстановление своего царства в новом блеске и небывалой силе, как это было предопределено Богом” (с. 19).

га о Толстом и Достоевском произвела на мои двадцать лет такое неизгладимое впечатление и чьей также совершенно беспримерной работы о Гоголе я вообще не убирал со стола! Никому не хочется показаться провинциалом, и поэтому я невозмутимо ответил, что господин Мережковский будет, конечно, желанным гостем. Но в глубине души я не верил ни одному слову. Миф не сидит запросто у тебя в комнате. Так не бывает” (*Манн Томас.* Русская антология // *Манн Томас.* Путь на Волшебную гору. М.: Вагриус, 2008. С. 92).

³ На самом деле сборник назывался “О мессии”, а по-немецки: “Vom Messias. Kulturphilosophische Essays von R. Kroner, N. von Bubnoff, G. Mehliis, S. Hensen, F. Steppuhn”. Leipzig. Verlag von W. Ehglehmann. 1909.

⁴ *Философов Д.В.* О Фрейбурге и журнале “Логос”. См. рецензируемое издание. С. 80–81.

Это-то и была проблема. Если еврейский народ “счел себя богоизбранным”, почему не счесть себя таковым и другому народу. Приведу слова Мелиса: “Народ, которому суждено создать всеобщую ценность и отдать себя этому творчеству ценностей, – это и есть избранный народ” (с. 33). Вся глубина Боговоплощения элиминировалась. Убиралось и соображение, что Христос стал не национальным, а наднациональным Мессией, за что и был казнен. Это, кстати, хорошо понимал Ницше, ненавидевший Христа за его анационализм. Они же предлагали национальных мессий. Понятно, что национализм Фихте к этому как бы провозицировал писавшего о нем Бубнова. Но еще Вл. Соловьев в своей повести об антихристе указал как на важнейшую часть его образа, что антихрист был ученый и литератор. Именно в научности видел Бубнов характерологическую черту нового мессии, а потому, словно забыв о соловьевской трактовке, выдвигал на роль народа, носителя национального мессии, – германский: “Сейчас ближайшей задачей является перевод человечества из состояния пустой свободы в эпоху науки... Кто станет избранным народом – носителем мессианского сознания?” (с. 28). По его логике, таковым будет мессия, опирающийся на науку, именно он будет править миром.. А где есть наука как сила? Бубнов писал: “Немецкая нация, стоя на вершине культуры, обозревает все другие народы и их задачи. Таким образом, в вечном замысле мирового плана она призвана к тому, чтобы дать другим народам гарантию, что они также смогут приблизиться к общей цели развития. Немецкий народ – народ мессианского обещания и один может спасти культуру человечества; только от него можно ждать, что он начнет новое время для прочих народов. Ручательством его высокой миссии является то, что немецкий народ – народ самобытный, верующий в духовность и свободу, в вечный прогресс нашего рода, народ, в котором до сих пор непрерывно проявляется творческая энергия к новому. Избранный народ, от которого человечество ожидает своего спасения” (с. 29).

Надо сказать, что в своих мемуарах Степун достаточно иронически отозвался об этих поисках мессии, ввявь увидев фюреров, вождей, мессий, увидев и исток этого мессианизма: “Над всеми статьями весьма юного сборника веял дух Новалиса, Фридриха Шлегеля и еще не читавшего отцов церкви Киреевского. Во всех статьях речь шла о философе-пророке, о новой животворящей идее, об избранном народе-водителе. Ожидая явления “Нового слова”, мы, однако, твердо отмежевывались от философии Ницше, столь привлекательной для многих

мыслителей начала 20-го века”⁵. О науке, как факторе вождизма, об опоре на передовое учение, на Книгу, это и было угадано, но не понято авторами сборника. Чего стоила “Майн Кампф”, библия национал-социализма, где в наукообразной форме излагались вполне романтические идеи! Смесь бреда и науки, позволявшая Степуну позднее назвать Ленина “извергом науковерия”. Тут стоит подчеркнуть: не наука, а ВЕРА в науку. Вот что предлагали авторы сборника. А от веры в науку очень близок шаг к иррациональному взгляду на мир.

Степун, рассказывая о реакции на сборник одного из своих учителей – Виндельбанда, заметил: профессор опасался, “что мы, его ученики, изменим идеям критического кантианства”⁶. И эта опасность была велика. Я понимаю “Логос” как попытку преодолеть силой интеллектуальной воли стучавшийся в сознание молодых ученых иррационализм, мессианство, о котором столь выразительно они написали в первом сборнике. Но дело было не в измене теоретической конкретности людей, они долго пытались отстаивать идеи неокантианства; дело было в изменении состава времени, когда кантовское рации перестало работать и начался поиск выхода из нового интеллектуального тупика. Некие веяния наступающего времени почувствовали авторы рецензируемого сборника.

А.А. Ермичев в послесловии замечает: “Речь идет просто об ”обновителях человечества” – отдельных деятелях или народах, ”выбранных” историей для ее нового шага – не более. В своей книжке авторы тщательно прорисовывали портреты избранных истории – тех, кто в прошлом, XIX веке, переживая кризис, обнаруживал в себе силы противостоять распаду. И вот мы видим портреты Фихте, Конта, Герцена и Соловьева, через которых авторы пытаются подчеркнуть надличностный и наднациональный характер идеи мессии” (с. 104). Вот идеи наднациональности в их построениях нет. О Бубнове я уже упоминал. Но вот Мелис, Конт и Франция: “Французский народ – это избранный народ, в нем должен родиться мессия или, более того, уже родился, призван и избран” (с. 40). Избранность – это не рации, в этом мистика и магизм. Не случайна фраза Мелиса: “Больше не действуют древние чары, имевшие над людьми большую духовную власть” (с. 32). А, стало быть, нужны новые чары, новая магия.

И Гессен писал: “Герцен прямо усматривал во внеисторичности русского народа основу его всемирно-исторического призвания” (с. 51). Этот фокус абсолютно магический. Раз этого

⁵ Степун Федор. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетей, 2000. С. 137.

⁶ Там же. С. 136.

нет, то именно это и будет. И далее это становится абсолютно ясным: “Собственное сознание России совпадает с универсальным сознанием всего человечества, специфически русские задачи – свержение чуждого ига самодержавного государства – с универсальной задачей современной культуры: русский вопрос и социальный вопрос есть нечто единое. Мессианское ожидание преобразовало герценовский идеал “гражданина мира” в национальный. В одной единой форме его мессианизма соединены национализм и космополитизм. <...> В форме абстрактных понятий представить путь, который реалист Герцен проделал к своему мессианизму, невозможно. Доказательная сила логического аргумента здесь заменена намного более сильным и принуждающим иррациональным моментом: пережитое, приняв форму могучего иррационального подсудного движения души, выступает мощным формирующим началом его теоретического убеждения и насильственно определяет его мировоззрение. Так, несмотря на позитивистски-материалистический урок, которым пронизаны философские взгляды Герцена, только в мессианской вере, родственной мистическому романтизму, можно увидеть собственную сущность его личности, глубочайшее ядро его мировоззрения” (с. 53).

Эту мысль вроде бы подхватывает Степун, как бы продолжая Гессена и акцентируя идею романтизма. Романтик, утверждает он, все время влечется к более сговорчивым в этом отношении далям прошлого и будущего. Не замечая современности, которая кажется ему только мимолетным соприкосновением этих двух миров, он беспрестанно питает седыми воспоминаниями свою тоску по будущему. Такова стихия всякого романтизма. В Германии он тоже пробудил ощущение, что наличное бытие – это только пролог и подготовка к собственно ценному и единственно необходимому, которое ожидается далеко на горизонте. А на горизонте, разумеется, мессия.

Итак, мессия. Как я уже писал, это идея прокатившаяся. Быть может, острее прочих неоднозначность этого посыла почувствовал Степун. Во-первых, следом за Соловьевым он весьма по-особому понимает национальный мессианизм: “У Соловьева впервые выделение национальных особенностей – даже в области бессознательного чувствования – совершенно свободно от ценностных предпочтений в пользу России. Он подчеркивает самобытность своего народа не для того, чтобы противопоставить его другим, как это было в позднем панславизме, но только затем, чтобы поставить его на службу всему человечеству” (с. 63). Но увлечение романтизмом рождало и aberrации, которые на поверку оказывались сами фантомом. Так, например, в ак-

тивности масс Степун видит победу рации и пишет в статье о Соловьеве. “Активность масс и связанная с этим победа парламентаризма принципиально изгнали все “эмоциональное” из политических отношений европейских народов” (с. 59). Пройдет полтора десятка лет, эмоции масс захлестнут историю, Степун будет вынужден пересмотреть свой взгляд, увидев в наднациональной и христианской идее парламентаризма шанс на спасение Европы.

Обновители всегда назывались культурными героями, но не мессиями. Но культурных героев не звали и не ждали. Ждали некоего магического: “да будет”. Но магия, как показал еще Гёте, заманивает в Ад. Ад и случился на европейской части планеты. Пожалуй, только идеи Соловьева давали надежду на наднациональную идею мессии, что четко отметил Степун. Опираясь на соловьевскую идею наднационального, которое не приемлет почвенной мистики и магизма, он увидел опасность наступающего на европейскую культуру иррационального магизма: “Дух одинокого мыслителя – глубокая пропасть, на дне которой мерцает вечность, а все, что Соловьев говорил и чему учил, – лишь слабый свет, скудно освещающий ее мерцающую глубину. В высшей степени значительны ответы на последние вопросы бытия, на вечные мировые загадки, предложенные в трудах Соловьева, – но для нас значительнее неразрешимая загадка, которой был он сам. <...> Снова, спустя сто лет власть иррационального и темного захватывает нас. Но если прежние романтики ожидали своего спасения в наполнении этой силы светом и придании ей формы, то мы верим, что только от мистерии тьмы мы можем снова зажечь огонь нашей жизни и питать его” (с. 68). Здесь Степун близко подходит к формуле Мефистофеля о тьме, рождающей свет, против которой он с такой энергией будет полемизировать в советские годы, когда в большевистской тьме пытались увидеть надежду на свет. Но, надо отдать Степуну должное, что он уже в этих надеждах на мессию обратил свое внимание на порождающую силу тьмы, из которой может возникнуть немало мессий, совсем не похожих на благородного Мефистофеля. Но, скорее всего, тьма редко когда преобразится в свет. Сборник остался не проговоренным ответом на поставленный вопрос.

Вообще перед нами сложный сюжет. Авторы сборника в 1909 г. ждали мессию. А уже в 1910 (в “Логосе”) верили в строгую науку философию, и вдруг после Октября 1917-го мессии стали являться как грибы, но совсем не те, которых они ожидали. Вообще, ожидание мессии опасно, оно приводит, как нам известно, к разнообразным историческим катастрофам. В сборнике его авторы тоскующим взглядом посмотре-

ли в будущее и захотели в тумане рассмотреть мессию. В “Логосе” уже боролись со своими предчувствиями. Точнее сказать, предложили другую парадигму будущего – провести мысль через Канта, через “строгую науку”.. А стоило бы тому не оставлять, но как-то отнестись к ней. Слишком многое было почувствовано. Возможно, преодолев это ожидание в себе, они в тот момент не увидели, что этими ожиданиями живет масса. Или видели, не видя, не желая замечать. Повторю строки поэта: “Но просто не верило слуху и зрению, / и собственным мыслям мое поколень” (Н. Коржавин). Слово было найдено правильное: “о мессии”, но контекст явления в мире мессий был потерян. Уже потом авторы осознали глубину своей догадки, когда эти мессии стали править миром.

1909 год был богат текстами, отразившимися в умственной жизни европейского челове-

чества. Достаточно вспомнить “Веги”, бунинскую “Деревню”, “Русскую церковь” Розанова, “Серебряный голубь” Белого и пр. Книги – предупреждения. Здесь предупреждения не было. Здесь была некая констатация разлитого в европейском воздухе умонастроения. Но спустя сто лет мы можем оценить значительность и точность этого интеллектуального наблюдения. И сказать спасибо человеку, который проделал колоссальную работу по переводу, составлению, подготовке и введению текста в научный оборот – А.А. Ермичеву. К составу и составителю могут быть претензии, но легко критиковать, труднее придумать и сделать. Поэтому не будем неблагодарны, когда первый шаг сделан, да при этом так внятно и умно.

В.К. Кантор

От редакции. Доктору философских наук, специалисту в области эстетики, теории и истории культуры Вячеславу Павловичу Шестакову исполнилось 75 лет. Поздравляем его с юбилеем, желаем здоровья, новых творческих успехов. Знакомим читателей с одной из новых работ юбиляра.

В.П. ШЕСТАКОВ. Русские в британских университетах. Опыт интеллектуальной истории и культурного обмена. СПб.: Нестор-История, 2009, 304 с.

Интеллектуальное соревнование двух университетских столиц Великобритании – Кембриджа и Оксфорда – в чем-то напоминает культурное соперничество двух российских столиц – Москвы и Петербурга. В то же время, по мнению историков западноевропейской философии Дж. Реале и Д. Антисери, налицо существование особой “кембридж-оксфордской философии”, как характеризуется британская аналитическая философия языка¹. Среди представителей этого движения были не только англичане. Главным объединяющим фактором стало своего рода философское “ремесло”, ментальность, тип анализа, показывающий, как функционирует “язык”, на котором мы постигаем этот мир.

Данный интеллектуальный кембридж-оксфордский пульс стал основной интригой новой книги В.П. Шестакова, в которой автор преломляет свой личный опыт участия в российско-британском интеллектуальном и культурном обмене. На этом фоне интересным представляется и рассказ о сложной, во многом сохранившей

свою громоздкость университетской структуре Великобритании, направленной прежде всего на воспитание и образование научной, политической и интеллектуальной элиты.

Здесь всегда были несколько категорий студентов. Наиболее привилегированные – студенты-коммонеры, дети из богатых семей, плативших 40–50 фунтов в год. Вторая категория – так называемые пенсионеры, которые тоже платят. Третья категория – “сайзерс”, те, кто не могли платить за учебу, прислуживая своим более состоятельным коллегам. Ньютон поступал в Тринити-колледж на правах “сайзера”. Другая особенность – наличие при университетах целой системы колледжей, всегда находившихся в сложных отношениях с “Альма матер”. Больше нигде в мире такого нет.

Оксфорд – более древний университет, но история возникновения обоих университетов и их структура аналогичны. Оксфорд стал центром гуманитарных наук, Кембридж – естественно-научного знания, хотя можно говорить и об особой кембриджской литературе с ее духом полемичности и сатирического заряда, и о научной философии. Британские “физики” и “лирики” несколько отличались от российских. Оксфорд стал оплотом респектабельности, а Кембридж был средоточием бунтарского духа, револю-

¹ *Реале Дж. и Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. В 4 т. Т. 4: От романтизма до наших дней. СПб., 1997. С. 474–475.